

A young boy with brown hair and eyes is wearing a gold and black space suit. He is looking directly at the camera with a serious expression. In the background, a cityscape is visible through a window or transparent part of the suit. The boy is holding a newspaper in his hands, which is open and shows some text and images. The overall scene is set in a futuristic or space environment.

Андрей Кузьмичев

**Записки
молодого
журналиста**

Андрей Кузьмичев

Записки молодого журналиста

«Автор»

2025

Кузьмичев А. Е.

Записки молодого журналиста / А. Е. Кузьмичев — «Автор»,
2025

Витя Звонарёв мечтал стать космонавтом, а жизнь забросила в районную газету. Сначала он трудился помощником наборщика, потом дорос до журналиста. Ум у него оказался живым, язык цепким, а перо острым. Жизнь закрутилась колесом. Репортажи у Вити получались резонансными, читателю нравились. Вот он и решил, что пришло время поделиться впечатлениями с более широкой аудиторией. Прислал в издательство серию миниатюр, которые и представляем вашему вниманию.

© Кузьмичев А. Е., 2025

© Автор, 2025

Андрей Кузьмичев

Записки молодого журналиста

Витя Звонарёв мечтал стать космонавтом, а жизнь забросила в районную газету. Сначала он трудился помощником наборщика, потом дорос до журналиста. Ум у него оказался живым, язык цепким, а перо острым. Жизнь закрутилась колесом. Репортажи у Вити получались резонансными, читателю нравились. Вот он и решил, что пришло время поделиться впечатлениями с более широкой аудиторией. Прислал в издательство серию миниатюр, которые и представляем вашему вниманию.

В поисках Чехова

Молодой журналист ворвался в кабинет главного редактора, едва не сбив его с ног. Тот стоял в дверях, собираясь уходить.

– Вы знаете, знаете, – запыхался журналист, – Антон Палыч... мать-то его... урожденная Морозова, в нашей губернии родилась! – выпалил он.

Главный редактор Василий Петрович с изумлением посмотрел на подчиненного, ничего не понимая.

– Это какой Антон Палыч, из телерадиокомитета что ли? – недоуменно спросил он.

– Да нет, что вы! Антон Палыч, тот самый... – никак не мог отдышаться журналист.

– А-а-а-а-а, это который в прошлом году на повышение в управделами Самого что ли ушёл, – никак не мог разобраться начальник.

– Да Чехов, Чехов Антон Палыч, мать его... – наконец закончил журналист.

– А-а-а-а-а, Че-е-ехов... – потерял интерес к разговору главред. – Ну и что? Что за событие, что его матушка родилась у нас в губернии? У нас что, тираж увеличится, если мы об этом напишем? – без интереса смотрел он на подчинённого. – Или нам муниципалитет премию выплатит?

– Вот именно! Как есть, тираж увеличится, и выплатят премию, обязательно! – продолжал насеждать журналист.

Главный редактор оживился, почесал свою обкомовскую гриву, а затем произнес вкрадчиво.

– Рассказывай.

Журналист в общих чертах, стараясь удержать внимание шефа, поведал историю вопроса.

Главный редактор подумал, почесал ухо, сначала левое, затем правое, и набрал секретаря.

– Нина Васильна, у нас тут товарищ Звонарёв выезжает в командировку, на поиски урожденной Морозовой, матушки Чехова Антона Павловича, оформите его как положено, – и положил трубку.

Нина Васильевна посмотрела на часы. Они показывали восемь утра. «И что творится? Это, по-моему, даже для главреда рановато», – недоумевала секретарша.

Молодой журналист трясся в стареньком автобусе и от скуки разглядывал попутчиков, пытаясь «отточить стиль» и мысленно нарисовать детальный портрет каждого из пассажиров. Очень скоро ему это надоело, и он закрыл глаза. И приснился ему сон.

Идет он по заснеженному полю, увязая в снегу. Снег набивается в ботинки. Одет он очень странно. На нем тонкая поношенная гимназическая шинелька, а на голове ученический картуз. Под мышкой толстый блокнот с разными записями, а за ухом затупившийся огрызок карандаша. И вот видит журналист-гимназист, что среди поля стоит двухэтажный дом. Низ у него каменный, а верх бревенчатый. Подходит к дому и открывает дверь. И тут журналист видит, что сверху по покато́й лестнице к нему спускается Антон Павлович Чехов.

– Ах ты, брат ты мой, гимназист-журналист, ну проходи, проходи. Давненько я тебя поджидаю, – улыбается лукаво Антон Павлович и пропускает гостя в дом.

– Да неужели, неужели, Антон Палыч, это вы, вот так как есть? – растерялся журналист.

– Ну и слог у тебя, батенька. Да я это, я, проходи, проходи, замерз небось, – продолжает улыбаться Чехов.

Они проходят в дом. Журналист осматривает комнату: она просторная, очень чистая, минимум мебели, печь, выложенная изразцом.

– Тепло у вас, – потирает руки довольный гимназист.

Чехов тем временем разливает горячий чай по стаканам и выставляет розетку с вареньем.

– Ну, угощайся, друг любезный, пей чай, и варенье попробуй непременно. Свое, вишнёвое.

– Спасибо, спасибо, Антон Палыч, – пытается начать разговор гимназист. – Скажите, как вам тут живется? – спрашивает он.

Чехов призадумался.

– А ты знаешь, дружок, по-разному бывает, то пусто, то густо, то смех, то слезы.

– А чего больше, смеха или слёз?

– О, брат ты мой, это не ко мне вопрос! Это ты спроси у Льва Николаевича или у Фёдора Михайловича, они тут неподалёку живут. Но скажу тебе по секрету, лада у них нет, – перешел на шепот Антон Павлович.

– Антон Палыч, а есть ли рецепт, чтобы стать настоящим писателем? – вдруг спросил гимназист.

Чехов задумался, а потом сказал:

– Не знаю таких рецептов. У каждого свой, наверное. Одно могу сказать: трудиться надо и человеком настоящим быть. Ищи и найдёшь, – Антон Павлович с жалостью посмотрел на толстую потрепанную тетрадь гимназиста.

Тут автобус, в котором журналист ехал на поиски матушки Чехова, тряхнуло на ухабе, и молодой человек проснулся. «Бог ты мой, это ж надо...». Журналист растерянно смотрел в окна, пытаясь понять, где он находится. За окнами мелькнула табличка «Хотимль», а затем показались дома.

Село Хотимль, надо заметить, стоит на этой земле уже больше четырёх веков. Люди здесь немногословные, неспешные и всегда радушные. Это у них в крови. С пятого по девятый век здесь жили финно-угорские племена, позже пришли славяне, затем проходили монголо-татары, а за ними и поляки. Основано же село иноками из Троице-Сергиевой Лавры и беглыми холопами. Когда они пришли в это место, спросил старший у попутчиков своих: «Хотим ли мы жить здесь?» «Хотим», – ответили все единогласно. Такова легенда о появлении Хотимля.

Журналист пошел по направлению к двум церквям – Никольской и Успенской. Никольская была построена в восемнадцатом веке. Успенская в девятнадцатом. Они стоят друг против друга, но выполнены совершенно в разных архитектурных традициях. Именно настоятель этих храмов, отец Александр, и был нужен молодому журналисту. Батюшка довольно внимательно изучил историю местного края и обнаружил артефакт: предки Чехова по материнской линии проживали именно здесь.

Журналист вошел в одну из церквей. К стенам приставлены строительные леса, на них свалены мастерки и другой инструмент рабочих, на полу мешки цемента, побелка.

Тут журналист заметил плакаты, висящие на стене. На одном из них были аккуратно выведены нормы питания «советского гражданина». На другом изображен грузовик, в кабине которого сидел явно нетрезвый водитель. Его нос был лиловым, а под глазом виднелся синяк. Завершала этот пугающий агитпром корова, лежащая перед машиной вверх ногами. Было оче-

видно, что это невинное животное стало жертвой нетрезвого водителя. Надпись на плакате гласила: «За рулем таким не место!».

– Забавно, не правда ли? Всё по Чехову: жизнь пронизана горестным юмором и ощущением трагичности, – раздался приятный баритон за спиной журналиста.

Он обернулся и увидел отца Александра. Они поздоровались и поговорили о чем-то незначительном. Затем батюшка рассказал журналисту следующую историю: "Именно здесь находится родина четырех поколений предков писателя по материнской линии. Изначально они были крестьянами и носили фамилию Морозовы. Прадед Антона Павловича разбогател на пушнине и торговле. Его сын, дедушка писателя, Яков, продолжал дело отца и преумножал богатство. Однако по каким-то причинам Яков обанкротился и уехал в Таганрог на службу к купцу Попкову. Вместе с ним уехали его сын Иван и дочь Евгения. В Таганроге она окончила гимназию и в девятнадцать лет вышла замуж за Павла Чехова. Так появился род Чеховых.

Все эти факты подтверждаются рядом документов. Например, в книге о храмах Южского района есть свидетельства о роде Морозовых и справка о рождении матери Антона Павловича Евгении Яковлевны, а также о ее крещении в одном из местных храмов. Брат Антона Павловича Александр бывал в Холуе и Палехе, которые находятся недалеко от Хотимля, но до родового гнезда матери, по-видимому, не доезжал".

Помолчав немного, журналист спросил священника.

– А где эта усадьба?

Батюшка признался.

– Да вы знаете, толком не знаю. Примерно могу только сказать.

Журналист шел по пустынным полям, и его надежда найти родовую усадьбу матери Антона Павловича таяла вместе с силами. И тут он увидел что-то вроде сада, а в глубине его – полуразвалившийся остов дома, который напомнил ему корабль, выброшенный давным-давно на пустынный берег. Подойдя ближе, он остановился в растерянности. Дом-призрак окружали старые вишневые деревья. Журналист начал буквально продираться сквозь густые ветви. Он подошел к дому, осмотрел его внимательно и присел на одно из бревен, вывалившееся из венца сруба. "Да, точно, всё по Чехову: жизнь пронизана горестным юмором и ощущением трагичности".

Затерянное село

Молодой журналист погрузился в чтение любимого автора, когда его отвлек резкий телефонный звонок.

– Зайди! – голос главного редактора не предвещал ничего хорошего.

– Скажи, почему ты всегда иронизируешь в своих статьях? Это что, такая манера у вас, молодых? – встретил его начальник.

– Я не иронизирую, а лишь подмечаю, – ответил журналист, с тоской разглядывая свои ботинки, которые были в грязно-мокрых разводах. "Плохо дворники работают, плохо", – думал он, мысленно уходя от разговора с главным редактором.

– И это в то время, когда руководство страны и региона делает всё возможное для оздоровления экономики и общества, – продолжал босс, не замечая журналиста.

– Извините, Василий Петрович, но вы, вероятно, помните слова великого идеолога прошлого о том, что "объективное отражение действительности посредством литературы является одним из величайших достижений социалистического общества", – перебил его журналист. – Ну конечно, помните. Ведь вы тогда, кажется, трудились в горкоме КПСС. Наше издание, конечно, с большой натяжкой можно отнести к литературе, но всё же, – продолжал он, пытаясь оправдать себя.

– Пошёл вон, голубчик! И к среде мне на стол статью! Да такую, чтобы комар носа не подточил, – покраснев от гнева, главный редактор нервно указал на дверь своим пухлым, как у ребенка, пальчиком.

"Да, доиграешься ты Звонарёв", – ругал себя журналист. "Будешь объективно отражать реальность" на каком-нибудь складе, мешки с цементом разгружая. И редактор будет прав, какому боссу понравятся такие фортели. А статью надо написать. Ну что же, будет статья. Такая, чтобы комар носа...".

Гусеничный трактор уже два с половиной часа резал ледяную корку бескрайнего снежного поля. Мотор, как живой, то и дело кряхтел и чихал. Тракторист Василий раскачивался в такт своему железному коню и чертыхался, явно набивая цену.

– И зачем я, етиткин корень, в такую глушь полез? Сидел бы сейчас с мужиками, в домино стучал. А тут... Ну, что ж ты через валенок на печку... Полез я... Вот дурья голова ватой набитая! Говорю тебе, там и народу-то уж нету небось, – уже обращаясь к журналисту, который сидел сбоку от Васи, скрючившись в три погибели, и вглядывался в белую простыню полей.

– Ты лучше, Василий, расскажи, что это за история с Нежитево случилась?

– Да что за история? Село было большое, я пацаном, помню, уезжал туда на ночь рыбу удить. Там же озёра – чудеса! Да оно, село-то, все озёрами и окружено. Не знаешь, не пробежёшься. Да у меня там и девчонка была. Нинка. Ох, помню, мы с ней, етиткин корень, да..., – ностальгировал Василий.

– Так что же произошло? – вернул его к действительности журналист.

– Так вот, было Нежитево домов в сто, не меньше, – продолжал тракторист. – Потом приехали военные. За ними какие-то люди в штатском. Техники нагнали. Ну, никому, конечно, ничего не докладывали. Стали что-то за селом раמודить. Техника день и ночь гудела, а военные патрули круглосуточно охраняли то место. Никого из местных не допускали. Хотя интересно было, – продолжал Василий. – Местные волноваться начали. Что, мол, за хреновина у нас тут осуществляется. Так, мол, и так, доложите, етиткин корень, – расхрабрился тракторист. – Ну, их, конечно, послали куда подальше, и продолжалось это все месяца три, а может и четыре, кто же упомнит. Только как сейчас перед глазами стоит это село, Нежитево-то, хорошее было, богатое и очень даже какое-то..., – пояснил тракторист журналисту.

– Ну и что же дальше было? – терял терпение журналист.

– А потом бах, и всё!

– Что значит бах? – не понял журналист.

– То и значит, етиткин корень, не стало села, вот и вся тебе сказка, – ответил раздраженно Василий и надолго замолчал.

Впереди показался перелесок. За ним покосившийся купол заброшенной церкви и заснеженные крыши серых домов.

– Вот тебе и Нежитево, приехали. Я дальше не поеду, здесь буду ждать. А то что-то мне не по себе, – снова заговорил Василий.

Журналист открыл дверцу и спрыгнул в глубокий снег. До села оставалось примерно километр. Журналист стал пробираться в направлении Нежитево.

Дома были беспорядочно разбросаны. Некоторые покосились и скрипели от ветра. В большинстве заколочены окна. Глухо шлепал оторванный с крыши лист железа. Стемнело. И вдруг одно из окон засветилось тусклым жёлтым светом. Журналист пошел к дому. Он прошел до крыльца и постучал в дверь. Никто не открывал. Постучал сильнее. За дверью раздался тихий женский голос.

– Кто там?

– Это я, журналист газеты N, откройте, пожалуйста. Я приехал специально, чтобы рассказать о вас и вашей беде, – всё было правдой, он за этим и приехал.

– У нас нет беды. Она уже ушла отсюда, – голос как будто смазали маслом, и он стал звучать чуть мягче.

– Может быть, вы всё же меня впустите. Здесь очень холодно, – попросил журналист.

Дверь медленно открылась. На пороге никого не было. "Мистика какая-то", – испугался журналист. И тут он увидел в проёме черную тень.

– Заходи, что встал как вкопанный? – проговорила тень.

Тень поплыла внутрь. Журналист пошёл следом. Они вошли в дом. На столе горела свеча. Тень материализовалась и оказалась довольно крепкой старушкой.

– Я Василиса Павловна. Живу с сыном. Он охотник. Мы живём, а другие все умерли. Нечасто бывают у нас гости. Ну, спрашивай, журналист. По глазам вижу, не соврёшь. А люди пусть узнают правду. Теперь можно. А то помру скоро, – неожиданно разговорилась старушка.

Они говорили несколько часов подряд. Василиса Павловна рассказывала, как военные проводили какие-то эксперименты. В шахте пытались взорвать ядерный заряд, чтобы создать толчок в земной коре и помочь учёным найти полезные ископаемые. Но то ли расчёты оказались неверными, то ли шахта была выполнена с браком, но взрыв вырвался наружу. В течение года радиация уничтожила половину деревни.

– Стариков было не так жалко, – рассказывала Василиса Павловна. – А вот детей – очень жаль. Они умирали плохо, страшно. Но нас из деревни никуда не выпускали. Видимо, чтобы мы не рассказали о случившемся. И потом все годы брали подписки. Только выдавать их было некому. Остались я и мой сын, Гриша. Он охотится и иногда заходит в дальнее село за продуктами. А я вот доживаю свой век, – делилась старушка.

Дверь скрипнула, и в дом вошел человек лет сорока, очень худой. У него была красивая седая борода.

"Как у писателя", – подумал тогда журналист.

Мужчина аккуратно поставил ружьё в угол, снял рюкзак и веником отряхнул снег с валежков. Григорий взглянул на журналиста и прошёл умываться.

– Это мой сын, Гришенька, а это журналист. Приехал писать о нас правду, – познакомила мужчин старушка.

Потом они втроём пили чай с малиновым вареньем и долго говорили. Григорий оказался интересным собеседником. Уже за полночь журналист стал собираться. Он попрощался с Василисой Павловной, а Григорий пошел его проводить. Мужчины почти дошли до трактора, где сладко спал Василий и видел свою юность, и Нинку, и голубые озёра вокруг Нежитево. И тогда журналист спросил у Григория:

– Как вы думаете, почему так случилось? Почему людям не дали уехать?

Григорий задумался, поправил шапку-ушанку и сказал:

– «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». Будьте здоровы! – крепко пожал руку журналисту и пошёл по снежному полю.

Журналист еще долго смотрел ему вслед, пока тот совсем не исчез в густой темноте. Тогда он постучал в дверь трактора. Оттуда раздался голос Василия.

– Етиткин корень, жив, журналист, ну вот, а то брешут всякое! Ну как, встретил кого? – открывал дверцу Василий, протирая глаза.

– Нет, – ответил журналист и полез в трактор.

Часы

Молодой журналист с лёгкой грустью предвкушал разговор с фронтовым поэтом. Он был уверен, что интервью пройдёт по обычному сценарию: "Помню, что было это в 1943-м... Стояли мы у линии фронта..." – думал он. Уже не первый год журналист исполнял свою обязанность – брал интервью у ветеранов. Иногда ему казалось, что это своеобразная месть главного редактора за его нестандартное мышление. Несмотря на важность темы, желающих взять интервью у ветеранов было немного.

Старичок, к которому он пришёл, оказался удивительно бодрым для своих восьмидесяти трёх лет.

- Проходите, молодой человек, – приветливо пригласил поэт и снова застучал по клавишам старой печатной машинки.
- Благодарю вас, – журналист огляделся по сторонам, пытаясь найти тему для разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.